
Десять дней в усадьбе А.Н. Комарова

30 июля 1948

Александр Федорович Котс

«Стереть бы пот дневного зноя!

Стряхнуть бы груз дневных забот!
Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,

...

Сгибайся жь, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!»

Раннее утро. В вестибюле **Дарвиновского Музея** резко прозвучал звонок у телефона:

— «Говорят от Холодильника „**Союзпушнины**“. Директору Дарвиновского Музея. Машина профессору послана.»

Не проходит двадцати минут, как во дворе Музея появляется не слишком щегольской, но поместительный, удобный «Эм-один», с шофером Холодильника, любезно предоставившего своему культ-производственному шефу — Дарвиновскому Музею — легковой автомобиль для деловой поездки за город, в лежащий близ Коломны небольшой поселок, место проживания и творчества сотрудника Музея, А.Н. **Комарова**.

Предстояло отвезти подрамники, холсты и краски для очередных работ этого года, проработать вместе с названным художником тематику картин: сцены из жизни первобытных обитателей Европы Каменного Века.

Молчаливо подразумевалась и другая цель: дать некое подобие, если не отдыха, то передышки основателю-директору Музея, восемь лет не покидавшему Москвы.

Под задушевные напутствия сотрудников Музея, вышедших «ин корпоре» для проводов, автомобиль выкосится на улицу.

Короткий переезд по улицам Москвы, более долгий по ее окраинам, и Москва за нами.

Ровная сверкающая трасса, гладь дороги на Рязань, покорно следующая изгибам возрастающе-волнистой местности.

По обеим сторонам пути — бесчисленные деревушки с неизменными подсолнечниками за плетнем, да ивняками у колодцев. Еще далее — бескрайние поля и дали, обрамленные лишь кое-где у горизонта, синевой леса.

Приближаемся к Коломне. За незнанием дальнейшего маршрута, нам приходится опрашивать немногих встречных. Следуя их указаниям, машина поворачивает влево, оставляет трассу и, ныряя по ухабам километров десять по проселочной дороге, выезжает к берегу реки: блестящей лентой развернулась перед нами, вырвавшаяся из каменных оков Москва-река.

Понтонный мост, шлагбаум, любезно поднимающийся по получении надлежащей мзды, и тряска переваливаясь через хлипкий, подвижной настил, машина переносит нас на противоположные берег.

Нелегко найти контрасты, большие, чем оба берега реки.

Там, далеко за нами голая, волнистая, унылая равнина, перед нами — яркая, насыщенная озерами пойма, осененная манящим лесом.

С жадностью вдыхая запах хвои, медленно взбираемся мы в гору и проехав с километр лесом, замедляем ход машины.

Где то вдалеке — гудки и вздохи паровозов. Справа, в непосредственной близости густая сень глухого леса молча принимает нас, суля прохладу, тень и тишину: Поселок с громким именем «Советского Художника».

Скрываясь под навесом хвои, узенькой дорожкой пробираемся в глубины парка с кое-где виднеющимися постройками.

Не зная точно местоположения усадьбы **Комарова**, мы выходим из машины.

Постепенно бор сменяется березами, еще немного.. и последние всецело заполняют лес: Березовая роща Левитана с белоснежными стволами, ровными и стройными, сплошь окружает нас.

Низина..небольшой мосток. Береза уступает место дубу с примесью сосны. Еще десятка два шагов, крутой подъем, ничем не выдающий близости жилья, загиб направо, сень лесов внезапно раздвигается и перед нами неожиданно чудесная картина: широко охваченная лесом и, как бы затерянная в нем, широкая поляна с рядом домиков: усадьба нашего художника и друга Алексея Никаноровича **Комарова**.

Мы у цели. Вот и сам хозяин этого волшебного-сказочного уголка: высокая и стройная фигура, юношески бодрая и это вопреки, вернее, лишь благодаря полвека творческой работы, с характерным строгим профилем и вдумчивым, глубоким, острым взглядом зорких глаз охотника, любителя Природы и художника.

Приветливо-радушно он ведет нас к своему жилью, дорогой через сад, весь утопающий в цветах и каждой мелочью наглядно говорящий о содружестве Природы и Искусства.

Вот обвитая густою сенью винограда, крытая простою дранью круглая беседка с деревянной, в натуральный рост, скульптурой — черного лесного аиста на крыше.

Вот — оставшиеся после вырубки мощные пни, полуприкрытые растениями и превращенные в подобия подставок для скульптур: фигуры цапли и змеи, искусно высеченной из причудливой коряги.

Мы подходим к мастерской-жилью художника: оштукатуренные розовые стены с белыми пилястрами, большим окном и застекленной небольшой верандой.

Высоко, под самой крышей, по концам пилястров, высятся скульптуры из бетона: Филина, совы и диких кошек.. Волчья голова свисает из под крыши..Розовые стены тоже в белых барельефах: Там — изящно-вычурная Рысь, там — Волки, татарев-косач и белка на сучке.. А, прикрывая сбоку лесничку, изящная из бетона в натуральную величину фигура бурого Медведя, в полудремлющей лежачей позе, словно охраняющего вход в этот изящный «скит» отшельника-художника.

Вы входите. За небольшой прихожей — светлая, приветливая комната, едва достаточная для жилья, не говоря уже о творчестве.

Белые стены, белый потолок, белая печь грозили бы придать всей комнате характер «операционной», если бы не ее убранство.

Бегло-восхищенно мы осматриваем стены, почти сплошь прикрытые картинами.

Вот — кукушонок, широко разинув огненно-оранжевую пасть, глядит на Вас из-за расщелины дупла...

Бой Глухарей, размерами в натуру, заставляет позабыть о стенах, мысленно перенося Вас на таежную поляну...

Молодой Медведь в комично-вытянутой позе лезет к бортовому улью, привлеченный сладкой жалящей приманкой...

Ряд прелестных пейзажей, оживляемых фигурами животных, говорит о мастерстве изображении обоих: Две коровы у лесного озера на водопое, пара лошадей уставших на лесной прогалине...

Минув ряд более мелких, но не менее тепло написанных этюдов, Вы невольно останавливаетесь на серии скульптурных небольших эскизов самого художника, или знакомых мастеров-анималистов, как Ватагина, на ряд художественных статуэток, образцов Восточного искусства...

Небольшой диван и стол, заваленные эскизами, скромная полочка для красок, сложенные вдоль стены картины и подрамники, да мольберты в середине комнаты — таков тот незатейливый и скромный «Интерьер» художественной мастерской, в стенах которой создавались уникальные сокровища для **Дарвиновского Музея**.

Мы выходим в Сад. С первого взгляда поражает Вас одна черта: отсутствие того, что так обычно в подмосковных дачах: элементов вычурности, нарочитости, искусственности, склонности к дешевому эффекту и к дурному вкусу...

Нет ни стриженных аллей, ни клумб с «бордюром», ни утрамбованных дорожек... Узкие, полузаросшие тропинки, скромные картинки и разбросанные без особого порядка купы самых разных и контрастно сочетаемых цветов.

То серебристо-серые маслины, или пестролистый терн, то разные виды Спиреи, Жимолости и Черемухи, Сирени и Жасмина, правда, уже сбросивших свои роскошные уборы.

Чередуясь с разнотонной зеленью кустов и частью под защитой их рассеяны по саду самые чудесные цветы в их полном блеске: изумительные георгины, розы, лилии, гладиолусы в самых фееричных, сказочных, волшебных сочетаниях окрасок, от пылающего пурпура и до нежнейшего оттенка первой розовеющей зари...

Тут же и более обычные, но от того не менее прелестные питомцы подмосковных клумб: простые и махровые гвоздики, маки, флоксы, шпорники и астры, эти грустные предвестники «осеннего очарования»..

Десятки яблонь, вишен, ягодные грядки и кусты, обширный огород, миниатюрная бахча, подсолнечники и сменяющие их с закатом солнца золотые Энотеры («Ночесветки»), тщетные посулившие когда то в знаменитых опытах де-Фриза полную разгадку тайны эволюции живого мира...

До полсотни ящичков-скворешень поразвешано по деревьям для привлечения пернатых обитателей: синичек, поползней, скворцов и вертишеек....

Дополняется живое фаунистическое население Усадьбы представительной коровой, малопрезентабельной свиньей, тремя собаками, десятком кур и небольшой пасекой...

Таков тот небольшой оазис, в недрах и тиши которого дано было художнику развить необычайную по плодотворности работу: обслужить миллионы наших школьников таблицами, рисунками по Зоологии, раскрыть для них закономерности и красоту живого мира.

Таково уютное «Затишье», кратковременному посещению которого дано было ускорить создание уникальной серии картин, венчающих экспонатуру **Дарвиновского Музея**.

Раннее смеющееся утро. Я сижу у широко раскрытого окна, в которое, маня и улыбаясь смотрят голубое небо, мачтовые сосны, светлые березы, яркая смеющаяся зелень и невыразимые по красоте цветы: собрания Гортензий, Лилий, Фуксий, Роз и Георгин...

И вторя им, глядят со стен их сказочные двойники, отображенные созвучной кистью, отзвуком большого, тонкого ума и творчества....

Художник за работой. Загораживая половину комнаты, едва укладываясь в ней, уставлены на мольбертах саженные холсты, имеющие унести их будущего зрителя в далекий мир «доисторического человека».

Я сижу за письменным столом, заваленном компендиями, сводками по «Каменному Веку», и смотрю попеременно в книги с их сухими, нудными, бездарными рисунками и на холсты, следя, как под искусной и уверенной рукой художника, как по волшебству, возникают, вырастают образы людей и сцены быта потонувшего в дали веков доисторического мира.

«Люди позднего Палеолита» — времени по окончании четвертого, «последнего» великого оледенения Европы и ее последующего прохождения через стадии степей, полярной тундры, снова степи и ее сменившего надолго леса..

Шаг за шагом дефилируют перед духовным взором, закрепляясь в красочных конкретных образах, охотники за Северным Оленем, Мамонтом, за дикой лошадей, оспаривание добычи и жилья от посягательства Пещерного Медведя...

Параллельно смене фаун, природы, климата сменялась, как известно и культура населения Европы, от едва обтесанных кремней до мастерски отточенных кремневых, костных, роговых гарпунов и острог, от изумительных скульптур и полихромных, красочных изображений промышляемых животных до бездарнейших каракуль и загадочных цветистых рун эпохи Неолита.

И, однако, не в пример более ранним нашим предкам, вид и быт которых лишь с трудом установимы, тот же быт и облик их ближайших эпигонов, люди **позднего** Палеолита более доступны реставрации ученым и художником.

Но в еще большей степени это относится к эпохе «Неолита» — к людям «Ново-каменного Века», быт которых так чудесно-неожиданно раскрылся «Свайными постройками».

Подобно сказочному «Граду Китежу» скрывались они долгие тысячелетия под гладью вод, чтобы нежданно «вынырнуть» во всех деталях примитивного их прошлого и, в частности, впервые проливая свет на генезис наших «живых орудий» — на происхождение наших одомашненных животных.

И, однако, более, чем где либо свидетельства Науки приходилось проверять художественной правдой, памятуя, что приемлемое для искусства может и не отвечать Науке, но **бездарное в глазах художника всегда фальшиво и в глазах ученого.**

Связать научную с художественной правдой — было, есть и будет высшим лозунгом Науки и Искусства и его то мы пытались претворить, замкнувшись в розоватом домике художника под шепоты берез и ропот хвой...

Снова, и опять, и снова проверяешь, контролируешь детали облика и быта ранних обитателей Европы, смены почвы, климата и фауны, эволюцию орудий, утвари и навыков, приведших от кремневого гарпуна к автомату, от горящей головни — к пылающему огнету, от пещеры к небоскребу, от настенной живописи и скульптуре дикарей Палеолита — к творчеству **Ватагина и Комарова**...

Снова, и опять, и снова посылаешь требования в Москву, за книгами и справками, снова и снова проверяешь каждую деталь сложения человеческих фигур, состав животных, тип ландшафта, общий стиль и впечатление целого, лишь убеждаясь в истине, так лапидарно выраженное некогда **Крамским**, сказавшим, что без совершенства техники, без живописи яркой, выразительной, нет настоящего художества, а есть только благие пожелания...

И доверяя вещное, конкретное отображение научных истин кисти **Комарова**, чуткости его ума и глаза, приходилось с гордостью осознавать большое счастье: жить в стране, богатой подлинными художественными дарованиями, гарантией того, что претворенные большим искусством, истины научные тем легче станут достоянием широких масс.

Удары гонга (буфера вагона, грустного наследия бомбежек в дни войны.) сзывает обитателей усадьбы для обеденной, или вечерней трапезы...

Короткий отдых в теплом и радушном окружении милых обитателей усадьбы, небольшой экскурс в окрестные леса, или прогулка по волшебно-феерическому саду, и опять замена настоящего былым — попыткой — оживить в конкретных образах природу, население и быт доисторической эпохи силой мысли и художественной правды.

Что же удивительного, если по прошествии недели и по завершении основных эскизов всех намеченных картин, автора снова потянуло в город и к Музею, месту полувекового скромного служения.

Что там, в Москве? в Музее? — все настойчивее проносилось в мыслях при прогулках по лесным пригоркам и полянам, окружающим усадьбу **Комарова**, и тревогу эту неспособны были заглушить ни голубое небо, ни чудесные цветы, ни «Левитановские» рощи, ни любимый посвист запоздалой иволги, ни чуткие заботы милых обитателей усадьбы....

От пропитанного ароматом резеды и розы Сада потянуло к мышьяковой атмосфере Дарвиновского Музея, от привольных бабочек, жучков и птичек — к замурованным за стеклами витрин посмертным их останкам, собранным и закрепленным полувековым трудом ценой большого мастерства, великой воли и великих жертв...

Снести под своды каменных хором Музея скрытые красоты органического мира в отсвете идеи, завещанных великим вопрошателем Природы; понести ее ответы в гущу нашего народа и его чудесной молодежи, творчески облечь великую идею красочной, манящей формой, и, обратно, мастерскую форму — пронизать богатством мысли, такова задача, все яснее выступавшая по мере созидания **Дарвиновского Музея** в творческом союзе с небольшою группой преданных его сотрудников, и среди них одной из первых — мудрой и отзывчивой, родной и близкой Музой Алексея Никаноровича **Комарова**.

Таковы призывы сердца, более, чем разума, заставившие с грустным чувством думать об отъезде из усадьбы **Комарова** и о расставании с ее чудесными цветами и стоявшими за ними еще более чудесными людьми.

Под задушевные напутствия всех обитателей Усадьбы, вышедших для проводов, пришлось направиться к ближайшей Станции для возвращения в Москву.

Короткий переезд до Раменского, пересадка на электропоезд, Гарь и гомон заводских окраин. Несравненное великолепие Метро.

«Здравствуй, Москва!» хотелось крикнуть полным голосом.. родному городу.. «Не оставлял Тебя я в самые тяжелые, катастрофические годы тифа, холода и голода, рожденные блокадой первых послереволюционных лет; не покидал Тебя в годы Великой нашей Обороны, при бомбежках вражеских орудий, под зловещий рев сирен и грохот разрывных снарядов.. Не покину я Тебя и впредь!»

— «Могучая Страна несет мне лучшие свои дары, и цель ясна передо мной: Все мои скромные познания и силы творчества отдаю я твоему и моему народу, великая, любимая **Россия!** »